

Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация*

Общество регионов

До сих пор речь шла о геополитической региональной тектонике, или структурной геополитике. Теперь рассмотрим выстроенную ранее схему в более широком контексте.

1. *Буржуазная революция регионов.* Как я уже писал, регионы — пространственные и функциональные (квазирегions) — суть единственные субъекты событийности последних лет. Одно это приводит к необходимости радикально переосмыслить ситуацию в сравнении с принятыми интерпретациями (тотальный кризис, народная революция, заговор элиты и т. п.). На мой взгляд, ситуация определилась как становление «общества регионов». Это позволяет снять противоречие между сильным на разных уровнях и в разных аспектах ощущением происходящих событий как революционно-катастрофических и отсутствием среди действующих политических субъектов (сил) внесистемных или антисистемных элементов. Общество регионов представляется как этап самотрансформации totally регионализованного пространства.

Многообразная активность регионов и региональность всей пространственной событийности могут быть интерпретированы на основе схематики классической буржуазной революции с лозунгами «Свобода», «Равенство», «Собственность». Из послышки, что под этими лозунгами сейчас действует не «третье сословие», а именно совокупность регионов, следует вывод: происходит *революция регионов* (шире — составных их частей). Указанные лозунги абсолютно осмыслены для регионов в их противостоянии государству (Центру), в присвоении его прав-собственности, в горизонтализации всех отношений. Оказывается, что регионы — аналог и эквивалент народа (населения). Этот факт подтверждается апелляцией разных центров к регионам в том же смысле и в тех же случаях, в каких апеллируют к народу. Дело доходит до инверсии властных ролей и символических функций Центра и регионов, когда конфликтующие структуры Центра апеллируют к регионам как к судьбе-посреднику.

Концепция буржуазной революции регионов совместима с представлениями о спонтанной институциональной либерализации как основе происходящих

* Начало см. «Общественные науки и современность», 1995, № 2.

Каганский В. Л. — член Института национальной модели экономики и Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра). Эксперт-геополитолог, специалист в области проблем теоретической географии, теории классификации, культур-ландшафтоведения.

социально-экономических процессов ²¹, но не требует в отличие от нее установления соответствий между структурами советского общества-государства и западного общества ²².

Многие фактические действия и особенно декларации регионов касательно их суверенитета объяснимы, если только регион оказывается известным эквивалентом и аналогом личности. Регион можно рассматривать как своего рода личность советского пространства. Ведь абсолютная полнота суверенитета и священность собственности — атрибуты прежде всего личности.

В обществе регионов регионы-субъекты — это еще и *регионы-(квази)личности*. Напомним, именно личность в современной секулярной культуре обладает потенциалом сакрализуемости (как и национальное государство). Политические игры регионов имплицитно (отчасти — уже эксплицитно) предполагают некоторую меру сакрализации их прав. Иначе очень трудно объяснить чрезвычайно болезненное отношение регионов к самой возможности отчуждения от них территорий, а равно ожесточенность борьбы за место в регионализованном пространстве.

Внезапная сакрализация регионов как проявление и идеологическое обоснование их революции позволяют интерпретировать переживаемый период как своеобразную *реформацию советского общества-государства*. Надрегиональное тотально идеологически (псевдо)сакрализованное общество-государство, подточенное предрегионализмом (вообще — интересами блоков), практически внезапно стало десакрализовываться и обесмысливаться как целое ²³.

Проведенные интерпретации позволяют продолжить ряд аналогий. Так, идея прямой (непреренно помимо Центра) договоренности регионов как единственной возможности их нового согласования в пространстве корреспондирует идее общественного договора. Воспроизводящиеся ситуации отказа регионов от участия Центра в процессе установления «нового пространственного порядка» соответствуют не реальному раскладу сил (и тем более ситуации пространства, остающегося физически централизованным), но такой идеолого-ментальной матрице, где Центр в принципе не может наделяться позитивной ролью. Это бросается в глаза на фоне действий регионов, чрезвычайно прагматически ориентированных и инструментально неразборчивых. (Архетип «общественный договор регионов» чрезвычайно принципиально значим.)²⁴

Итак, происходящее интерпретируемо как революция регионов, *революция составных частей*. Регионы не только высвобождаются из властной пригнанности, но и выходят из всякого пространства общих норм («дикие» с любой точки зрения квазинормы, царящие в некоторых регионах, хорошо известны). Но если в сфере, функционально соответствующей политике (но не являющейся таковой, как будет видно ниже), роли личностей несут регионы, то для личности в обычном смысле в публичной сфере не должно остаться места. Это и происходит (тогда регионализация имеет неожиданным, но плодотворным последствием приватизацию обычной жизни людей). Возможно, ситуация «регион-личность»

²¹ См. Найшуль В. А. Либерализм и экономические реформы. «Мировая экономика и международные отношения», 1992, № 8.

²² Установление аналогии «народ-регионы» дополнительно подкрепляется тем, что собственно народ в советском пространстве действует в рамках регионов, активизируя их структуры. По-видимому, это больше, чем аналогия.

²³ Центр явно фетишизирован в регионах как «зловещее» начало. Внезапная инверсия образа Центра, наблюдаемая ныне, лишь подтверждает иррациональный характер процесса (см. Каганс к и й В. Л. Запах серы. «Век XX и мир», 1992, № 3).

²⁴ Сказанное следует понимать с должной осторожностью: уподобление региона личности (и совокупности регионов — обществу) — еще не отождествление их. Тем более не утверждается, что процесс «социализации регионов» был осознан его участниками. Подлинный смысл таких соотнесений как одной из интерпретаций второго порядка только предстоит выявить, хотя уже сейчас эвристически-объяснительный и прогностический потенциалы концепции революции регионов достаточно велики.

есть извращенная форма соборности, ведь регионы — целостности не только властно-пространственные, но и обыденно-жизненные²⁵.

2. «*Политика*» в обществе регионов. Общество регионов — такая *метаполитическая ситуация*, где привычные представления о политике и ее схемы неприменимы, а при применении оказываются амбивалентными и(или) абсурдными. Задающий позиции (координаты) традиционный политический спектр «левое — правое» невозможен в ситуации, где генерирующая политические отношения и позиции матрица региональной иерархии многоуровневна и полисубъектна. Это означает невозможность существования политических партий как реальных сил, для чего нужна единая одноуровневая политическая арена. Феномен «партий» неприменим к описываемой реальности. То же, что сегодня у нас именуется партиями, — просто артефакты политизированного менталитета либо особые составляющие контррегионализационных структур Центра. По-видимому, автономизирующаяся, отрывающаяся от региональной реальности властно-политическая система пребывает в особом, почти самодостаточном «пространстве», отношения в котором и есть «политика». Для него характерны инверсии «левое—правое», т. е. пространственная невменяемость. Это пространство также переживает регионализацию. В нем также оформились два типа блоков: квазирегiónы, подобные регионам (властные институты), и «районы», претендующие на статус квазирегiónов (партий²⁶). Это пространство и отношения в нем весьма схожи с собственно регионализационными. Причем не ясно, какое из двух пространств (территориальное или «политическое») сильнее фрагментировано.

Многоуровневость региональной ситуации, делая иррелевантной антитезу «левые—правые» (она тогда должна бы относиться к регионам или их уровням), полностью релятивизирует отношение «*власть—оппозиция*». Оно применимо только к разным уровням региональной иерархии и властным структурам, а не к компонентам единого политического рынка, как в обычной политике. Это отношение в нашей ситуации задается не абсолютно, но только относительно конкретного уровня регионов; при переходе на иной уровень оно инвертируется.

Даже, казалось бы, сугубо пространственная антитеза «унитаризм—сепаратизм» лишена однозначного смысла. Она применима только в ситуации, где есть государство как целое и один уровень политически манифестированных регионов. Соответствующие позиции, заданные на одном уровне, меняют свое значение при переходе на другой. Всякий регион равно ориентирован на суверенность от надрегиональных структур (сепаратизм) и неделимость на части (унитаризм). Например, известные сторонники сепаратизма республик бывшего СССР «оказались» унитаристами (даже империалистами) в своих республиках после демонтажа союзного уровня. Это симптом не непоследовательности, но жесткой заданности позиций отношениями в полирегиональной системе.

В обществе регионов для политики как таковой нет места, функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и «программ», что обычно невозможно; политические субъекты (силы) нетождественны. Регионы — это политические субъекты ситуации без политики. Последние годы показали: как правило, поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, возможностью достройки до полной либо компенсации неполноты (союзы и др.), текущей ситуацией и т. д. Конструкция региона обязывает его к аполитичности. Коммунисты и демократы, технократы и националисты, оказавшиеся у власти в регионах, ведут себя чрезвычайно сходно,

²⁵ Рассматриваемая ситуация общества регионов, по-видимому, равно относится и к квазирегiónам (регионам функциональных, фазовых пространств), и к собственно регионам.

²⁶ «... не сотрудничество между властями, не их взаимодействие, а уникальную ситуацию, когда при отсутствии настоящих партий исполнительная и законодательная власти как бы превратились в политические партии, преследующие собственные (сходные.— В. К.) интересы» (М и г р а н я А. М. Новая Россия на пути к общему дому. «Новый мир», 1994, № 1, с. 171—172).

чем обесмысливают собственные политические идентификации. Регионализм перерабатывает политику. Но тогда регионализация есть *механизм де-политизации и деидеологизации*.

Регионализация и политизация регионов дополнительные. Пространственно стабильные, не фрагментируемые регионы (государства) политизированы в обычном смысле (в них явны борьба партий, интересы, сотрудничество властей и т. д.). Фрагментируемые же регионы квазиполитизированы, импульсы регионализации транслируются в их центры и концентрируются, политическая сфера фрагментируется. Собственно политика становится «двойной» альтернативой регионализации как территориального, так и политического пространств. Существенно, что оба комплекса событий 1991 и 1993 годов, называемых «путчами», разворачивались не как конфликт партий в узком смысле, но как конфликт властных институтов (квазирегионов собственно политического пространства) и протекали преимущественно (если не исключительно) в столице. Необходимые примеры дают ситуации и стран Балтии, и современной России, и (в обостренной форме) Таджикистана. Отрыв «политики» (сферы активной маргинальности) от реальной-регионализации, ее инкапсуляризация (самозамыкание) ведут к саморазрушению этой сферы. Здесь регионализация выступает как автоструктор политики.

Проводя самообосновываемую данностью политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манифестирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации и т. п.) используют в инструментальной функции почти любые «обоснования», пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации «справедливость», на самом деле состоящую в «*дефиците статуса*». Например, одновременно используются ссылки на поправные в пространстве «сср» права, на нарушение равенства регионов, на их традиционные льготы, на прежнее привилегированное положение, в ходу апелляции к любым историческим периодам, эпизодам и т. п. (вспомним в этой связи идентификацию Турции во времена К. Ататюрка с хеттскими государством и культурой).

Регионализм — *метаидеология неразборчивости*, очевидно чреватая региональным шовинизмом и ксенофобией, в чем явна преемственность с идеологической практикой СССР. Существенно, однако, что посредством регионализации коммунизм (социализм) как идеология и практика обесмысливается и разрушается, причем в значительной степени деятельностью самих носителей этой идеологии (и бывших, и даже настоящих).

В социуме регионов нет места регионализму в традиционном смысле, сколь бы странным сие ни казалось. Регионализм есть идеология и практика достижения существующими во внегосударственной реальности пространственными (этнокультурными и др.) общностями институционального статуса, стремление географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же суверенизирующиеся регионы — уже институциональные районы. Надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов советского пространства не имеет отношения к собственно регионализму и по сути является *псевдорегионализмом*.

3. *Общий смысл?* Деструкция «сср» (СССР) и (или) регионализация советского пространства структурно детерминированы. Это событийность, чреватая бедствиями и страданиями — но есть ли в ней *смысл*?

СССР был острейшей глобальной проблемой. Сохраняясь и существуя как целое, СССР не мог преобразовываться. Устройство «сср» превращало его пространство во все более безжизненное. Процесс регионализации СССР стал реальным путем его трансформации. Иное устранение СССР потребовало бы методов (а соответственно, и жертв), подобных тем, которые пошли в ход при его создании, а борьба с властью, пропитавшей обычную жизнь, превратилась бы в борьбу с жизнью.

В процессе регионализации используются фрагменты советского пространства, тем самым им дается возможность жизни (витализации). История «разрушенья

до основания, а затем...» не повторяется. По законам полиморфизма части-регионы обязаны обнаружить существенные различия и после определенного рубежа суверенизации двигаться в разные стороны, жить по-своему. Поливариантность эта налицо. Как именно уйти от «сср» и куда можно прийти? Ответы на эти вопросы мы получим в свое время; регионализация — путь в свои места.

Даже оестествившись, «сср» был насилием над природно-культурной почвой. Чтобы она могла вновь плодоносить, срезание одного за другим слоев региональной иерархии необходимо и неизбежно. В ходе этого процесса огромная империя деколонизируется. Регионализация — это и механизм деидеологизации, перемалывающий коммунизм как идеологию и организацию, бессильные без громадного государства. Хотя ее процессы, продукты и последствия зачастую отвратительны и опасны, иного пути для десоветизации пространства и жизни в нем (сейчас) нет. Можно также сказать, что регионализация кладет начало процессам деунификации, дестандартизации, дает шанс демаргинализации.

Поведение регионов предстает перед нами как политика грубых интересов. Но это все же предпочтительнее тотальной политики омертвляющих идеалов. Говорят: сотня «союзов» хуже единственного. Но регионы хотя бы в силу своего размера вынуждены соблюдать определенные правила игры. Ситуация сосуществования многих разных регионов, куда более соразмерных человеку, чем СССР, для личности предпочтительнее.

Чем активнее во фрагментирующемся пространстве идет становление самостоятельных частей, тем больше шансов для созидания из них осмысленных целостностей. (Здесь возможно все, даже реставрации: если России суждено возродиться в рубежах 1917 года или XVII века, то пути помимо регионализации к тому нет.) Этносам регионализация сулит испытания государственностью, иным — многогосударственностью, но это исторически осмысленные испытания. Регионализация — вообще тяжкое испытание, но и огромный шанс вернуться к жизни и в историю.

В советском пространстве-монстре скрещены власть и жизнь, террор и экономика, государство и общество, идеология и культура, этничность и администрация. В нем нет смысловых отделенностей, сфер человеческого бытия. Возможно, кое-где им суждено появиться.

Власть «сср» стремилась полностью пропитать собою жизнь и пространство, подчинив и(или) искоренив естественную самоорганизацию. Система регионов была машиной подавления-стирания различий, но именно тотальный успех конструирования привел составные части машины к бунту. Полностью и окончательно построенное пространство социализма не выдержало собственного устройства. Пространственно невменяемое общество-государство перестает существовать — пространство отомстило.

«Зарубежный мир» пребывает в соблазне социального конструктивизма, этатизма и социализма; быть может, сползает к нему. Теперь мы знаем, чем это кончается... Не в том ли урок, очень важный? Мы ныне знаем (вернее — узнаем), что есть социализм, не вечный именно в силу успехов построения. Мы постигаем, что разнообразие можно подавить и искорежить, но уничтожить его нельзя.

Современность и ее возможности

1. *Современная ситуация (общий взгляд).* Регионы, приобретшие статус государств, продолжают свое становление (сборку компонентов) и в основном сами регионализуются. В советском пространстве доминируют горизонтальные отношения, а сохраняющиеся вертикальные все более горизонтализуются. Уровень СССР демонтирован, и процесс активно продолжается на основной части его территории, не пройдя своего пика. Симптомов его исчерпания нет, его замедление — иллюзия. На разных территориях он идет с разной скоростью и в различных формах (имея разнообразные событийные и псевдособытийные последствия). Это разнообразие, как и непохожесть укладов жизни в регионах,

продолжает увеличиваться. Фрагментаризация пространства сопровождается фрагментаризацией времени, десинхронизацией — ситуация не только *полихорична*, но и *политермпоральна*. Наиболее активна регионализация Российской Федерации.

Реальное пространство отчетливо многоуровнево и полисубъектно, особенно во властно-политическом аспекте. Например, в определении судьбы спорных Южно-Курильских островов принимают участие: сама РФ, «шестнадцатая часть СССР», Дальний Восток (как коалиция регионов), Сахалинская область, в административном подчинении которой ныне находятся эти острова, и, наконец, сами острова. И таких ситуаций множество!

Регионы вступают в союзы друг с другом на разном уровне, в том числе и с собственно иностранными государствами; они образуют *коалиции*, при этом и противостоящие друг другу *контркоалиции* регионов. Различия регионов и государств и, соответственно, межрегиональных и межгосударственных отношений размыты, тем более что регионы высших рангов достраивают государственно-силовые компоненты. Вооруженные силы и ВПК быстро регионализуются. В ряде республик-государств центральная власть превращается в надстройку над регионами, уже сосредоточившими основные властные функции (или стала «прикрытием» власти одних регионов над другими). Регионализуются собственность, государственное насилие, власть, право в любом смысле.

Каркас административного деления как матрица суверенизации регионов начинает дополняться иными пространственными структурами, прежде всего расселением этносов, не укладывающихся в регионы. Все более заметна активность этносов, не располагающих этнорегионами (это дисперсно расселенные народы Севера и др.). В то же время стадию дробления проходят полиэтнические регионы (Северный Кавказ и не только он).

Пространство СССР при всей его фрагментаризации обнаруживает связность и целостность нового типа: проблема раздела «советского наследства» и межрегиональные конфликты с их широкими зонами резонанса выступают в качестве интеграторов территории бывшего СССР как *проблемного макрорайона*. Наблюдаются тенденции реставрации демонтированного уровня СССР для части республик (регионов), не могущих самостоятельно осуществить сборку компонентов или достроить структуру до функционально полной. Заметны сращивание периферийных территорий с сопредельными государствами, действие зарубежных центров тяготения для групп регионов. При этом важно подчеркнуть, что углубление регионализации и формирование интегративных полей тяготения регионов — не антитезы, а взаимодополняющие тенденции.

При регионализации пространственная и (во многом) функциональная фрагментаризация, дезинтеграция, сочетается с *пространственной реинтеграцией* — функциональным включением в регионы фрагментов их территорий, ранее непосредственно подчинявшихся Центру. Многие регионы пространственно консолидируются.

Регионализация на уровне фрагментируемого целого есть явная децентрализация, но на уровне регионов централизация в общем усиливается. При фрагментаризации пространства в пределах бывшего СССР происходит интеграция регионов уже в новых пространственных контекстах. Для однозначной характеристики регионализации как фрагментаризации, децентрализации и дезинтеграции нет достаточных оснований. На уровне «выше» и «ниже» СССР, скорее, все обстоит наоборот. Как я уже говорил, происходящие процессы многоуровневые и полимасштабны.

2. *Российская Федерация — СССР сегодня*. Россия — территориальное и функциональное ядро СССР. На ее территории структуры советского пространства и процессы регионализации проявляются наиболее отчетливо. Ныне она проводит политику присвоения советского наследства и быстро повторяет судьбу

Центральная власть РФ, с которой ассоциированы функциональные

(квазирегиональные) и территориальные фрагменты СССР, не интегрированные в другие республики-государства, близка сегодня к утрате контроля за собственными регионами. Они *de facto* располагают правом *veto* на все крупные действия Центра РФ на их территории (пример — блокирование воссоздания немецкой автономии на территориях Саратовской и Волгоградской областей), устанавливают собственные правовые режимы, доформируют структуры до квазигосударственных в части силовых компонентов, самостоятельно вступают в союзы с государствами внутри и вне СНГ, участвуют в боевых действиях вне РФ.

Действия Центра РФ почти в точности повторяют действия Центра СССР (не опираясь на сопоставимые возможности) как против сепаратизма окраинных регионов, так и против самостоятельности уровня регионов в целом. Я думаю, что регионализация РФ — уже необратимый процесс, и его главное отличие от аналогичного процесса в рамках СССР — отсутствие региона, способного присвоить и реально контролировать «неделимое наследство» (претензии региона «Москва» недостаточно фундированы). Поэтому РФ в каком-то виде продолжит свое существование.

Для него, на мой взгляд, намечается следующий спектр сценариев:

— *ревани* (СССР), реставрация. Ремилитаризация, попытки военного контроля над основной частью СССР, перманентные конфликты;

— *мир регионов* и *Центр-посредник*. РФ ассоциируется с Москвой и выступает в роли посредника между регионами РФ, странами СНГ, остальным миром, вооруженными силами как *de facto* суверенным компонентом (возможно, с собственными территориями). За Центром остаются валютно-финансовые, судебно-посреднические, формально-правовые и т. п. функции;

— *РФ — рыхлая надстройка* над самостоятельными — в очень разной мере — регионами (частично государствами), но с сохранением контроля над стратегическими вооруженными силами;

— *минимальная Россия*, т. е. сохранение РФ как государства на небольшой части прежней территории при полной самостоятельности остальной. Контуры «новой РФ» определяются дислокацией стратегических сил, ресурсно-промышленной базой, конфликтами с регионами;

— *регионы — каждый за себя*. Этот сценарий предполагает возникновение множества практически самостоятельных, равноправных государств-регионов (их коалиций), частью ассоциированных со смежными странами. Центра нет, стратегические силы суверенизируются и регионализуются, Москва из резиденции Центра превращается в регион, *город-государство*.

Ныне, как мне представляется, реализуются и сочетаются в качестве тенденций и элементов реальной политики Центра РФ фрагменты всех сценариев. Но такая ситуация неустойчива. Видимо, близка точка бифуркации, после которой указанные (подобные) сценарии становятся альтернативными.

Действия Центра сегодня дестабилизируют ситуацию, ускоряя регионализацию и обостряя неизбежные конфликты. Роль политических властей Центра может быть существенной лишь при осознании ими реальности регионализации как необратимого процесса. Но это представляется маловероятным. Однако устройство пространства РФ предполагает объемную нишу для посредническо-согласовательных функций, в механизме осуществления которых при невмешательстве в их дела (пока) заинтересованы регионы.

3. *Перспективы*. Проблемно-конфликтное советское наследство, т. е. структурный потенциал регионализации, далеко не исчерпан. Регионализация будет продолжаться, охватывая как новые уровни иерархии, так и территории, где пока слабо проявляется. Картина, создаваемая ею, станет усложняться за счет многовариантной интерференции процессов разных уровней и взаимодействия многих разных регионов и квазирегионов. Это перспектива не только России, хотя события в ней являются резонатором геополитической перестройки всей Северной Евразии (от Югославии до Китая) и общемировых процессов.

Тривиальное выражение этого процесса — становление государств (квазиго-

сударств) в таких формах, которые потребуют пересмотра самих представлений о государстве. Содержание нынешнего, далекого от исчерпания, этапа регионализации видится в суверенизации регионов ранга республики, области и им подобных, т. е. верхнего слоя иерархии регионов. Опускание процесса на более низкий уровень в целом маловероятен, ибо на нем регионы в меньшей мере отвечают основной схеме. Однако дробление ряда областей, суверенизация крупнейших центров и другие отдельные перестройки и здесь вполне вероятны.

На следующем этапе регионализации, который местами уже очевиден, административное деление перестает быть вначале единственным, а затем и главным каркасом регионализации. Первыми проявлениями данного процесса стали проблематизация границ регионов и конфликты по их поводу. Думается, рано или поздно вперед выступят противоречия между системой регионов и расселением групп (не только этнических), не вписанных в институциональное районирование. Здесь окажется существенной актуализация этнокультурных «союзов» (общностей) и исторического, досоветского прошлого. Регионализм «второго эшелона», по-видимому, будет более идеологизированным и сопровождаться этнификацией масс. Не исключено, что «выявятся» такие этнические (квазиэтнические) общности, что привычные представления о существующих этносах станут проблематичными. Весьма вероятно формирование широких и самых неожиданных коалиций регионов, что означает взаимное усиление процессов регионализации первого и второго этапа.

Очевидно, эти процессы будут сопровождаться значительным числом вооруженных конфликтов и вообще ростом насилия. В этом плане на нынешнее время можно смотреть как на эпоху квазистабильности. По-видимому, резко возрастут и контрасты территорий, часть из которых приблизится к стабильному состоянию и будет «отдрейфовывать» от пространства «сср», а часть войдет в режим хронической нестабильности (кое-где уже наметившийся).

Можно назвать следующие факторы собственно регионализации как спонтанного процесса: политика центров наиболее крупных республик; все более самостоятельные действия вооруженных компонентов бывшего союзного Центра; зарубежные страны с неизбежными противоречиями между ними.

Особая группа тенденций связана с обозначившейся приватизацией институтов власти регионов, выражающейся в их коммерциализации (но не сводящейся к ней). Если механизмы управления региона начинают превращаться в какое-то подобие корпораций (Кисловодск, превращаемый в акционерное общество, или «свободная экономическая зона Находка»), это означает как снижение квазигосударственных интенций регионов, так и актуализацию возможности прямого сращения регионов и квазирегионов.

Если процесс институциональной либерализации (приватизация и пр.) действительно наберет силу, это будет дерегионализационно значимо. Однако реставрация надрегионального единства при этом достигнута быть не может. Сейчас, по-моему, нельзя увидеть ситуации, в которой регионализация «остановится», ее вовсе не существует. Регионализация советского пространства — всерьез и надолго.

По мере «распаковки» проблемного багажа (а это — сама административно-региональная гипермоноструктура) пространства, остающегося в главных чертах советским, все более значимыми становятся различия территорий, подавленные, но не уничтоженные структурой. Обнажается культурная почва. Новое здесь может оказаться достаточно старым. В конце концов, далеко зашедшая регионализация, рассредоточенные отношения сотен регионов, широкие веера траекторий могут привести к самым разным вариантам будущего. Но все это будущее началось внутри пространства «сср».